

ЧТО В СВОЕ СЕРДЦЕБИЕНИЕ СВЕРИТЬ...

ПОЭТУ МАРКУ ЛИСЯНСКОМУ
70 ЛЕТ

КОГДА полетели фашистские бомбы на Киев, Марк Лисянский был младшим лейтенантом, командиром саперного взвода. Недавно сформированную часть готовили к боевым действиям, учебная работа не прекращалась ни днем, ни ночью. Лисянский был готов исполнить свой долг, как этого требовала воинская присяга. Но произошло непредвиденное: он сломал ногу. Это случилось на ночных занятиях. Комвзвода саперов угодил в «вольную яму». Далее события развивались прозаически. Медицинская комиссия признала офицера ограниченно годным к военной службе и дала направление в запасную часть с соответствующей рекомендацией — можно использовать в качестве библиотекаря.

Большого несчастья нельзя было представить. Он видел, как рвались на фронт бывшие школьники, обивая пороги военкоматов и райкомов комсомола. Уехали на передовую друзья, а его, кадрового офицера, «закливо хоронили» в тылу. И тогда член партии с двухлетним стажем, младший лейтенант Лисянский решился обратиться прямо к первому секретарю Ярославского обкома партии, ныне министру внешней торговли СССР Н. С. Патолочеву. Офицер настойчиво просил отравить его на фронт, доказывая, что временный недуг не помешает службе в родной 243-й стрелковой дивизии, он может воевать, принести пользу, как газетчик, сотрудник дивизионной печати.

Вероятно, вид опиравшегося на костыль лейтенанта, а главное — лафос его доводов был настолько убедителен, что секретарь обкома обещал ходатайствовать об удовлетворении просьбы.

Через несколько дней М. Лисянский уже сидел в кузове грузовика, направлявшегося в 243-ю дивизию.

Дорога пролегла через оборонявшуюся Москву, и офицер уже думал о судьбе столицы. Привычно родились первые стихотворные строчки:

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянке, в окопах,
в тайге.

Поэтическое воображение подсказало новые слова, которые, может быть, не полностью соответствовали реальным фактам биографии младшего лейтенанта, но удивительно точно передавали его душевное состояние, ощущение его лирического двойника, героя будущего художественного произведения.

Похоронен был дважды
Знал разлуку, любил в тоске.

Счастливо родившийся образ воплощал жизненное, а значит пророческое содержание. Позже, на Калининском фронте, его, оглушенного разрывом бомбы и засыпанного землей, откопает друг.

Когда машина прибыла в Москву, стихи были готовы.

И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя

Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва, —

дописал он заключительную строку в блокнот.

Вскоре выяснилось, что есть полчаса свободного времени, и младший лейтенант решился отнести стихи в какую-нибудь редакцию. Ближе оказалась редакция журнала «Новый мир», там он и оставил листы из блокнота.

Встреча со знакомыми строчками оказалась неожиданной. Сотрудник дивизионной газеты «В бой за Родину» М. Лисянский услышал их в машине походной типографии. Она двигалась на запад, вслед за наступающей дивизией. По радио исполняли новую песню композитора И. О. Дунаевского «Моя Москва».

Стихи о столице стали любимой песней советских людей, они повсюду сопровож-

дали автора. Он написал много других, которые тоже стали песнями. Например, «Зори московские», «Песню о Родине» («Великую землю, любимую землю...»), «Когда поют солдаты», «Молодые подползут, юные подхватят» и другие. Но «Моя Москва» — особая. В ней сыновье признание Отчизне в любви, биография современников, участников Великой Отечественной.

Неповторимые минуты пережил поэт, когда снова встретился со своей песней на заснеженной дороге Подмоскovie. По Ленинградскому шоссе, где в 1941 году были остановлены полчища оккупантов, московская молодежь в ознаменование 25-летия Победы над фашистской Германией воздвигнула монумент Славы тем, кто ценой собственной жизни победил врага. У дороги поднялись в небо бетонные противотанковые «ежи». На фронте этого своеобразного памятника поэт прочел высеченные строки из песни:

И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова.

— Тогда уже казалось, что не я сочинил эти слова, — взволнованно признавался М. Лисянский. — Они были всегда и родились сами собой, как нечто такое, что знают все, знает народ.

Там же, у бетонных надобов, родились строчки нового мужественного стихотворения: «На двадцать третьем километре по Ленинградскому шоссе...».

За долгую творческую жизнь он написал десятки стихов, посвященных городам (есть у него и книга «Города, города...»). Он славит «первую любовь», землю детства родной Николаев, близкий сердцу Ярославль, дорогой для всех «город Питер», вспоминает омывтый летними дождями Самарканд, Тынду — «малый городок» меж Байкалом и Амуром, Норильск, Ялту, где воздух напоен «матой и полынью», край «труда, снегов и выюг» — Воркуту. Но Москва всегда в сердце поэта. Она «моя» и «наша», она «заиндевшая» и «холодная» в 1941-м, «весенняя» и «стозвонная» в 1945-м, она «мирная», «вся из солнца и песен», «родная» и «любимая», «дорогая», «золотая на веки веков», она для поэта — Россия.

ПОСЛЕ опубликования поэмы М. Лисянского «Добрый путь» редакция журнала «Смена» получила письмо читателя А. Говорухина, военнослужащего из г. Владивостока. «...Мне кажется, — писал он, — я никогда не испытывал подобного потрясения... Я читал и плакал потому, что такую силу слов о матери нашел поэт, точно это я сам хотел, и должен, и мог бы сказать их, именно эти слова».

Эпиграфом к этому программному произведению М. Лисянский поставил слова М. И. Ульяновой «Я свято верю в силу материнской моей любви...». Святую силу этого материнского чувства поэт несет в себе всю жизнь. Десять раз в стихах он возвращается к горькой памяти, драматической судьбе своей матери (она была в эшелоне эвакуированных, разбомбленном фашистскими самолетами), к судьбам «бездетных и знаменитых матерей», которые ждут и провожают детей.

Неутихающая боль сыновней любви пронизывает всю поэму. С большой психологической глубиной автору удается показать будничное и героическое, интимное, частное и ис-

торическое. Обычно скупой и сдержанный голос поэта приобретает черты эмоциональной приподнятости. Он пишет о матерях, о матери великого сына, что шагнул «навстречу Революции». Поэт переплавляет лирическое чувство в мужественное, эпическое повествование. Он не позволяет «беспросветным и черным тонам» заглушить «лучезарные краски», он видит матерей «среди живущих сограждан», под сияющим солнцем Родины. Заключительные строки эпиграфа поэмы звучат как реквием. С думой о сыне, вечной любовью мать Ильича обращается к детям России:

— Ленин с вами в пути,
Люди, дети родные,
В этом — жизнь,
В этом — свет,
В этом — суть...
Слышу голос ее,
Слышу голос России:
— В добрый путь!
— В добрый путь!
— В добрый путь!

Поэма «Добрый путь», сборник стихов «Навсегда», посвященный вождю, не затерялись в современной поэтической Лениниане.

ЗРЕЛЕЕ и мудрее становится с годами творчество поэта. На страницах его трех десятков книг (лучшие «Золотая моя Москва», «Здравствуй», «Моя акция», «Лучшие годы мои», «За горами, за лесами», «Спасибо»), как самостоятельный герой живет образ времени. «Я и время» — вот тот осязательный стержень, вокруг которого вращаются мысль и чувства поэта. Они присутствуют в стихах, жанр которых А. А. Фадеев определил условно, как «политическая лирика», они есть и в сугубо интимных строчках Лисянского.

Беспокойная память поэта хранит «даты радостей и потерь», ему сняты фронтовые друзья, с кем по свету немало хаживал («Как будто не кануло время»). В «движении спасительном жизни» он рядом с однопольщиками, рядом с судосборщиками и сварщиками Николаева, добытчиками металла и угля Норильска и Воркуты, хлопкоробами Узбекистана, строителями Байкало-Амурской железной дороги. Его интернациональные маршруты пролегли по воде, суше и воздуху. Только авиадесант 1975 года Воркута—Норильск—Усть-Кут — Тында — Новосибирск составлял 14 тысяч километров (М. Лисянский возглавлял бригаду писателей).

Поэт выступает в заводских цехах, в библиотеках рабочих поселков, клубах воинских частей, у строителей газопровода, на Южно-Украинской атомной станции, перед колхозниками, студентами, оленеводами, разведчиками сибирских недр. Он славит честный труд, гордится «точной работой» советских людей, как хорошо сделанными стихами. Труд для поэта «броня от любой невзгоды», а песни — «только эхо» того, что дано нам совершить.

Он давно сформулировал свою жизненную и творческую концепцию («Моя философия»). Человек богат детством, дорогами за плечами и друзьями. Когда жизнь становится поэзией, она делается нужной людям. Без этого твердого ощущения необходимости современникам он не смог бы работать в литературе.

Он живет молодо, тревожно и счастливо, сверяя свое сердцебиение с трудовым ритмом Советской Отчизны.

Е. МИРОШНИЧЕНКО,
кандидат филологических наук.

Москва—Николаев.